

# СОЛДАТЫ



**Н**ЕДАВНО я раскрыл фронтовую записную книжку. Осторожно, словно боясь потерять что-то близкое, бесконечно родное, перелистываю уже пожелтевшие страницы. Прочитал, а потом прочелся, как говорится, вновь по военным дорогам.

Пыль летом, снег и холод зимой, длинные темные ночи в землянках. Тут и суровая зима 1941 — 1942 годов, и героическая битва за Сталинград, и знаменитая Курская дуга.

Через горнило тяжких испытаний прошел тот, кто был на войне. Многого довелось им повидать и пережить. И есть у каждого из них то, что особенно запомнилось, глубоко запало в душу.

...Мы стояли на высоком берегу. Начало ноября 1942 года. Холодно. Дует пронизывающий ветер. Грязная вата туч низко нависла над свинцовыми водами Северного Довца.

Вечером вызвал меня редактор и сказал:

— Надо побывать у связистов и написать что-нибудь хорошее. — И вот я в землянке. Где-то в углу чуть слышно «поет» зуммер, что-то шепчет связист. Молодой лейтенант настоятельно просит встретиться с Еленой Стемпковской.

— Это лучшая наша связистка, — говорит он на прощание. Напишите о ней.

Рядовая Стемпковская. Никогда не видел таких синих глаз под темными дугами бровей, таких золотистых волос. Что Леночка, начавшая войну семнадцатилетней, могла увидеть в своей жизни?

...Комсомолка из Ташкента действительно была замечательной связисткой. Ни одна пурга, даже самая лютая, не могла заглушить «точки-тире-точки» Стемпковской. Она и меткий стрелок. Рассказывала о себе скупой, нехотой, больше говорила о своих подругах черноглазой Азе и белокурой Рите.

— Прошу вас обо мне ничего не писать. Делаю то, что делают мои остальные подруги.

Я обещал выполнить ее просьбу.

В дальнейшем судьба Елены Стемпковской сложилась трагически. В одном из сражений отважная девушка была тяжело ранена. Пришла в себя, когда фашисты тянули ее за ноги к машине. Им, видимо, нужен был «язык».

«Прошла неделя, мы бьем ее каждый день по нескольку часов. Молчит... К черту! Я устал ее бить. Полуживая, упрямая русская девка по-прежнему молчит». Эти записи были сделаны в дневнике одного из гестаповских офицеров, захваченного нами во время Курской битвы. Потом ей отрубили руки и расстреляли.

Редактор требовал от меня

очерка о подвиге, совершенном русской девушкой, а я все тянул и тянул. Мне было трудно, тяжело писать о нашей Леночке. Потом я все-таки написал очерк.

Шли вторые сутки неслыханной доселе битвы. Двое суток небо было наполнено гулом и воем. Само солнце, казалось, дрожало от этого гула.

Одна бомба разорвалась в пяти метрах от окопа. Ерванда Алханяна, прославленного солдата из Шамшадина, взрывной волной бросило вниз на дно окопа.

— Ерванд! Ты жив? — как сквозь сон, услышал он чей-то далекий тревожный зов.

Алханян расправил согнутые плечи, поднял голову, увидел небо и понял, что жив. Над ним склонился командир отделения Никола Швец.

— Жив, — прохрипел Ерванд.

Из-за перелеска, оттуда, где кончалось пшеничное поле, выходили немцы, пытались вернуть накануне потерянные рубежи. Рота молчала. И когда враги были не более, чем в 50 метрах, Ерванд выскочил из окопа и помчался им навстречу. Он услышал за собой тяжелый топот сотни ног и страстный крик бегущих сзади.

— Ура-а-а!

Алханян был молод и нерасчетлив. Скоро у него не осталось патронов, и как раз тогда три немца стали наседать на него. Одного он убил прикладом, другого заколол штыком, но третий выбил из его рук винтовку, и холодное движение смерти уже коснулось его груди. Но словно из-под земли появился Швец и в упор застрелил немца.

Теперь Алханян и Швец сражались врукопашную против восьми. Они стояли спиной к спине, и Ерванд не видел, как он бьет фашистов. Может быть, немцы поняли, что Швец для них более опасен. Они вдруг оставили Ерванда и все набросились на Никола. Один из них нацелился в него пистолетом, но Ерванд заслонил его своим телом. Потом он пошатнулся, упал, но тут же поднялся на колени. Выручили товарищи. Никола разорвал у Ерванда на плече гимнастерку и стал перевязывать рану. Но Ерванд заметил, что его рука в крови.

— Ты тоже ранен, — сказал он.

— Пустяки, ободрал кожу на пальцах. Теперь твоя кровь смешалась с моею, Ерванд.

— Значит, мы теперь кровные братья, — еле вымолвил Алханян и потерял сознание.

Очнулся он в санитарном батальоне. Открыл глаза и с удивлением обнаружил, что лежит не на изрытом воронками пшеничном поле, а под раскидистым дубом. В стороне стояли и о чем-то разговаривали три человека — два в белых халатах и один в форме офицера.

— Я был в вашей роте. Там о вас много рассказывают, героем называют и привет передают.

— Привет передают? Это хорошо. А насчет героев, пожалуй, зря. Ведь все здорово дрались. А солдат он такой: любит про товарища рассказывать, а про себя помалкивать.

Ерванд Алханян закрыл глаза и, кажется, задремал. А война шла. Она доносилась сюда с порывами вечернего ветра и глухими взрывами, она рокотала в небе моторами бомбардировщиков и истребителей. Шла война.

...Это случилось на заре. Краешек солнечного диска показался из-за гор. Еще мгновение — и его длинные лучи, разрезая утренний воздух, веселыми зайчиками побегали по склонам гор, поросших кустарником.

Снизу из глубоких впадин ущелья, поднимался белый туман. Здесь, у села Архангельск, проходил передний край обороны гитлеровцев.

На рассвете войны 93 го Краснознаменного Лорийского стрелкового полка при поддержке пушек, минометов, крупнокалиберных пулеметов атаковали и овладели этим важным опорным пунктом врага.

Поднялось зарево над селом. Пулеметные очереди заглушались артиллерийскими залпами. Такой огонь, что головы нельзя было поднять. А потом начались контратаки. Одна за другой, почти без передышки. Завязалась рукопашная...

Увлечшись погоней за одним гитлеровцем, Виктор Костиков опередил наших бойцов. Когда оглянулся, товарищи были уже далеко. Крутом немцы. И живые, и мертвые. Что делать? Он устал и притворился мертвым.

С детства Костиков любил театр. Всегда с восхищением наблюдал за игрой артистов. Но никто не думал, что ему самому придется «играть», да еще на поле боя.

Один из пробежавших фашистов наступил на него ногой. И, вероятно, несколько не сомневаясь, что перед ним мертвый, обосновался рядом с пулеметом. Секунды показались ему часами. И в это время наши вновь поднялись в атаку. Наступил кульминационный момент «игры». Костиков убил фашиста, а из его пулемета открыл огонь по гитлеровцам. Враг в панике бежал, а Виктор Костиков был награжден медалью «За отвагу».

...В землянке было жарко и душно. Мы говорили о боях малых и больших, обо всем, что дорого, человеку на войне и навечно теплится в его душе живым, неугасимым огнем. Задумчиво смотрели, как огонь жадно пожирал пучки пшеничной соломы.

Один вслух мечтал, как вернется в колхоз, к земле. И добавил «если не убьют». Другие жадно тянулись к станку, книге. И тут же добавляли: «если не убьют».

Суровые мужественные голоса затянули песню: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага». И вдруг голос солдата: «Четыре? А может, шаг — другой и одолжить придется?». И он был прав, этот солдат.

...Я вновь перелистываю уже пожелтевшие страницы фронтовой записной книжки. Перелистываю осторожно, словно боясь потерять что-то близкое, бесконечно родное. Как живые, встают передо мною солдаты.

А. МАТХАШЯН.